

NEOCLASSIC
ΠΡΟΖΑ

•
ЭНТОНИ
БЁРДЖЕСС

ЧЕЛОВЕК
ИЗ НАЗАРЕТА

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б48

Серия «Neoclassic проза»

Anthony Burgess
MAN OF NAZARETH

Перевод с английского *В. Миловидова*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*
В оформлении обложки использована картина Эль Греко
«Христос, несущий крест».

Печатается с разрешения International Anthony Burgess Foundation
при содействии литературных агентств David Higham Associates
и The Van Lear Agency LLC.

Бёрджесс, Энтони.

Б48 Человек из Назарета : [роман] / Энтони Бёрджесс ; [перевод с английского В. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Neoclassic проза).

ISBN 978-5-17-152955-0

В 1977 году Энтони Бёрджесс написал сценарий для мини-сериала Франко Дзеффирелли «Иисус из Назарета» — масштабной и амбициозной попытки показать весь жизненный путь Иисуса Христа. Сериал удостоился нескольких номинаций на премии BAFTA и «Эмми». Два года спустя Бёрджесс переработал сценарий в полноценный роман.

На его страницах знакомая по Новому Завету история оживает, и читатель переносится в древнюю Иудею, где библейские персонажи превращаются в обычных людей с понятными нам радостями и горестями, проблемами и мечтами.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-152955-0

© International Anthony Burgess Foundation, 1979
© Перевод. В. Миловидов, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Λιανε

ὁ οὖν ὁ Θεός
δυνεξευξεν,
ἄνθρωπος μὴ
χωριζέτω¹.

¹ Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (*греч.*).
Мф. 19:6. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев,*
примеч. ред.

КНИГА I

Глава I

Много раз я собственными глазами видел, как казнят преступников, а потому описать способ, которым это делают в наши дни, для меня не составит особого труда. Хотя, для начала и исключительно из вежливости, я представлюсь читателю, с которым нам предстоит пройти бок о бок весьма долгую дорогу, причем в любую погоду — и в хорошую, и в ненастную.

Итак, я — Азор, сын Садока. По-гречески меня кличут по-разному: я и Псил, что означает Длинный (хотя я чуть ниже среднего роста), я и Лепт, то есть Тощий, хотя на самом деле склонен к полноте. Кто-то зовет меня Макарием, подразумевая, помимо прочего, мою якобы удачливость. Чем я занят? Пишу и рассказываю истории, перевожу для чиновников бумаги (я знаю латинский, греческий и арамейский), составляю на заказ письма и жалобы. Дружен я и с математикой, отчего богатый и весьма ненадежный, когда речь идет об оплате моих услуг, винный торговец Акатарт нанимает меня проверять и вести счета.

Теперь же я перейду к рассказу о распятии — в его истинном, физическом, так сказать, облиции.

Первым делом палачи подвергают осужденного бичеванию, после чего заставляют тащить на себе горизонтальный брус креста, на котором его впоследствии распнут. Тащить приходится от мастерской к самому месту казни. Там уже ждет своего часа брус вертикальный, закрепленный в земле прочно, словно дерево. Ладони, а иногда запястья преступника пронзают гвоздями, припиливая его таким образом к горизонтальному брусу, который затем поднимают и прикрепляют к вертикальной опоре на высоте от десяти до двенадцати футов¹. Тут же палач одним-единственным гвоздем прибивает к вертикальной стойке ступни осужденного. Иногда, правда, чтобы страдальцу было на что опереться, на уровне чуть ниже его обнаженных ягодиц устраивают либо дополнительную перекладину, либо вбивают клин. После этого берут выбеленную дощечку, где на имеющих хождение в нашей провинции трех языках — арамейском, латинском и греческом — написано имя подвергаемого казни, а также кратко изложена суть его провинности. Раньше табличку устанавливали на самую макушку креста; теперь же, чтобы каждый интересующийся мог прочесть этот незамысловатый некролог, ее чаще прибивают внизу, у ног несчастного. Смерть, как правило, наступает вследствие удушья или отказа сердечной мышцы, но в некоторых случаях, когда осужденный выказывает излишнюю живучесть, охранники либо ломают распятому ноги металлическим прутом, что ускоряет его кончину, либо пронзают его бок копьем.

Наверное, следует добавить, что с осужденного предварительно сдирают всю одежду, и на кресте он висит абсолютно голым, что делает наказание не только жестоким, но и исключительно позорным.

¹ Римский фут равен примерно 0,29 метра.

Должно также сказать, что со временем некоторые нюансы казни стали зависеть от степени изобретательности офицера, которому поручалось ее осуществить. Правда, это имело место лишь в Иудее, которая находилась под прямым правлением римлян, в отличие от Галилеи, где был свой царь, пусть и не вполне свободный в своих решениях, но влиявший на то, как тамошнее правосудие распорядится судьбой преступника. Так, в Иудее на месте казни выкапывали узкое, но длинное, до шести футов, углубление, куда вставлялось некое подобие прочного деревянного ящика, открытого с обоих торцов — в этот паз и загоняли нижний конец вертикального бруса, который держался там очень прочно. А это означало, что преступник теперь должен был тащить на себе к месту казни не только горизонтальную часть креста, но весь крест целиком, что выматывало его в гораздо большей степени, и смерть наступала быстрее. Кроме того, это нововведение ускоряло и сам процесс — преступника клали на крест, и три палача, искушенные в деле распятия, одновременно принимались за дело — двое приколачивали ладони или запястья, а один, как правило самый сильный, занимался ногами, в чем ему иногда помогал мальчик, удерживавший ноги осужденного. В едином ритме закончив приколачивание стонущей от боли жертвы, палачи подхватывали крест и, подбадривая себя веселым гиканьем, вставляли его основание в деревянный паз, где тот стоял исключительно твердо и надежно, и лишь иногда, словно мачта корабля, поскрипывал и слегка раскачивался на сильном ветру, обвевавшем гору распятия.

Мне совсем не по душе этот способ расправы над государственными преступниками, и я совершенно согласен с Цицероном, который полагает данную форму наказания ужасной и недостойной цивилизованного общества. Но, справедливости ради, я просто обязан снять с римлян

часто звучащее в их адрес обвинение, будто бы это они изобрели распятие и всячески поддерживают традицию его использования в качестве способа казни. Персы, правители империи Селевкидов, карфагеняне и даже евреи задолго до прихода римлян в Левант¹ прибегали к распятию, расправляясь с религиозными и политическими отщепенцами, а также с ворами, пиратами и беглыми рабами. Рассказывают, что Дарий, царь Персии, подверг этой казни три тысячи своих врагов, живших в Вавилоне, а менее чем за два века до событий, о которых я собираюсь поведать, сирийский правитель Антиох Четвертый Эпифан подверг бичеванию и распятию неисчислимое множество выступавших против него евреев, причем сделал это в самом святом городе, Иерусалиме. А в Иудее, за восемьдесят восемь лет до рождения Иисуса, плотника и искусного проповедника, царь и первосвященник Александр Яннай расправился с восставшими против него фарисеями, использовав для их казни три тысячи гвоздей и две тысячи деревянных балок.

Тот, кому доводилось видеть эту казнь, кто слышал стоны умирающего, видел его сочащуюся кровью наготу, неизбежно задумывался о мере добра и зла, на которых зиждется наш мир, и, понимая, что должен осуждать преступление, за которое воздается распинаемому, и быть на стороне палачей, не мог не сочувствовать несчастному, ставшему жертвой того, что именуется справедливостью. Да, он совершил преступление, и, если бы не стал орудием зла, то, как добрый и порядочный гражданин, ходил бы сейчас по улицам, смеялся с приятелями в таверне, играл бы с детишками или, может быть, привел бы их к кресту, на котором мучился осужденный, и они вместе, из чисто-

¹ Левант – общее название территорий стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Палестина, Израиль, Ливан).

го любопытства, разбирали бы надпись на табличке с именем жертвы и названием преступления, которое совершил распятый. Но, с другой стороны, зло, совершенное умирающим, для него самого оборачивалось добром, иначе не стал бы он вполне сознательно рисковать собственной жизнью, обрекая себя на мучительную смерть. И, наконец, зло, учиненное палачами, было, в свою очередь, чревато добром, ибо ради чего, как не ради счастья и благополучия общества, ради его безопасности и благоденствия, совершали они свое кровавое деяние?

В мои цели не входит размышлять о добре и зле, о том, кто в этом мире прав и кто не прав, — нет у меня ни склонности, ни умений думать о таких материях. И все-таки я позволю себе заявить: наш мир и наше существование в нем покоятся на этих двух основаниях, и они, с одной стороны, находятся в неразрешимом противоречии друг с другом, а с другой, само это противоречие есть основа стабильности всего живущего в этом мире и даже всего созданного людьми. И я никогда не встречал человека, который смог бы оспорить эту мысль. Более того, некоторые философы, что живут в странах, где заканчиваются и начинаются маршруты наших верблюжьих караванов, видят в этом противоречии форму любви, подобной взаимной любви мужчины и женщины, и даже бог, как они его понимают, может быть богом только тогда, когда у него есть противник — только тогда бог обретает некое разумное равновесие, которое позволяет ему внимать молитвам страждущих. Это равновесие мы видим и в наших собственных телах, и оно обеспечивается гармонией между правым и левым, хотя некоторые и склонны утверждать, что это — не гармония, а скорее битва, а наше счастье и благополучие есть случайный результат временного перемирия в войне, которая никогда не закончится. В сфере мысли, как она утвердилась, по крайней мере, в наших

средиземноморских землях, двойственно-противоречивая природа всего существующего перевыражена в терминах непрекращающейся борьбы между добром и злом, хотя сущность каждой из сторон конфликта осознать невозможно, ибо, как в случае с понятиями «правое» и «левое», а также «верх» и «низ», одно может быть понято лишь при наличии и с учетом того, что представляет собой его противоположность.

Пьяный человек не знает, где право, а где лево; чувство равновесия у него утрачено, он ежеминутно готов упасть, и вот — падает! Но временами, как уверяют некоторые, опьянение охватывает всю вселенную духа. Равновесие, установившееся между добром и злом, рушится, и, если некоторые из живущих с горечью и страхом ожидают конца времен, иные с радостью в сердце уповают на скорый приход новой эры. Первые уверены в скорой гибели человечества, вторые же надеются, что совсем скоро оно расправит крылья и взлетит, подобно птице или ангелу. Рвется связь времен. Несчастное человечество ищет знаков и предзнаменований, неведь откуда являются пророки, и все говорят о проклятии Вечности и скором пришествии Царства справедливости. А поскольку грань, отделяющая религию от политики, тонка и прозрачна, хаос вторгается и в земные законы. Фанатики, бунтовщики и убийцы уже не прячутся в тени; они смело выходят из укрытий и вершат свои темные дела — тут-то у палачей и прибавляется работы!

Именно таким было время, о котором я буду повествовать. Начало же моего рассказа относится к семьсот пятнадцатому году со дня основания великого Рима, а страной, где произошли события, о которых я поведаю, был Израиль — имя, одновременно означающее и царство духа, и обиталище тела (хотя истинное значение этого имени, как ни странно, связано с богоборчеством). Израиль представлял собой наиболее удаленную провинцию

Римской империи, и звали ее римляне Палестиной. В самом начале периода, о котором пойдет речь, они правили в Палестине не сами, но через назначенного ими «царя».

Уж если я назвал себя рассказчиком историй, то самое время мне, отказавшись от пустых абстракций, которыми я вас до этого пичкал, соткать из слов живые фигуры — пусть они двигаются, говорят, носят свои одежды... Но для начала дам я себе волю и ударю, так сказать, по струнам своей арфы, чтобы нарисовать маленькую предварительную сценку — перед тем, как обратить ваши взоры к вещам более важным и серьезным.

И вот представьте — вы в одной из иерусалимских таверн, чьи стены и потолок увиты виноградом, совсем недалеко от места, где обычно проводят казни; сидите и слушаете, что говорит декурион по имени Секст, мелкая пешка среди офицеров римской армии. Он хорошо знает местную жизнь и местный язык и часто сопровождает приехавших из столицы империи знатных римлян в их прогулках по Иерусалиму. Сейчас он сидит за грубым столом, поверхность которого заляпана винными пятнами, и, несмотря на то что его примитивная натура полна презрения к иностранцам, он достаточно дружелюбен, а потому, заказав целый мех вина, угощает сидящих вокруг молчаливых бедных евреев, которые, потягивая из кружек, сидят и слушают его речи. Лицо и тело Секста покрыты изрядным количеством шрамов, полученных им, как видно, и в боях, и по тавернам, в пьяных драках, а его претензии на статус ветерана подтверждает единственный целый глаз — левый.

— Так вот, — говорит он, постоянно вставляя в свою речь местные словечки, а то и греческие, — наши солдаты стоят от *кан* до *шам*, то есть отсюда и дотуда.

Для убедительности он мокрым от вина пальцем рисует на крышке стола карту и продолжает:

— Вот от этой горячей вонючей кучи навоза — не то что меня достает жара, я ее легко переносу... Но эта вонь! Терпеть не могу вони... Ничего личного! А если кто и обижается, то я за него не дам и миски цветной капусты, этого вашего *крувита*... Так вот, мои маленькие *йедидим*¹, если от вашей кучи навоза идти туда, через Францию и Испанию, на самый край нашего грязного *шатияха*, то есть материка, то вы попадаете в Британию. Так она называется. Я везде побывал. И там, и там, и здесь. Римский орел раскинул свои крылья так далеко, что скоро, глядишь, треснет посередке...

Секст делает паузу, оглядывая сидящих, и продолжает:

— Да, жарко у вас. Хотя жару я переносу легко. А вот в Британии вы бы отморозили себе причинное место. Голые ублюдки, все в синей краске с головы до... Спасибо, счастье мое, сколько мы тебе должны? Так вот, эти ублюдки совсем нечувствительны к *крио*, то есть к холоду. Конечно, все зависит от воспитания, но мне больше по душе ваша вонючая братия... Никого не хочу обидеть, а за того, кто обиделся, я не дам и ломтика полусгнившего *илтита*, то есть лосося.

Секст обводит взглядом притихших евреев и вдруг взрывается:

— Эй! Ты что это, плевать вздумал? Плевать на стол и вредно, и глупо. Есть особый горшок, в него и плюй! А если ты не просто плюнул, а что-то имел в виду, когда плевал, то послушай внимательно! *Шамах!* Послушай! Слышишь топот за стеной? Это наши солдаты. Они повсюду, и, сколько ни плюй, они здесь останутся навсегда! Сколько ни плюй, ни тебе, ни другим вонючим евреям не сбить пыли, что мы поднимаем своими ногами в вашем грязном еврейском мире, в вашем *мелухлах яхуди*... Кто

¹ Йедидим — друзья (*евр.*).

тут у вас царь? Я спрашиваю, кто тут у вас *мелех*. Ирод Великий? Так он же араб — что с той, что с другой стороны. Но он и еврей. А еще — друг императора Августа, которого я однажды видел собственными глазами, да будь он благословен... Хотя он же — бог, вот пусть сам себя и благословляет.

Секст сделал секундную паузу и провозгласил:

— Теперь вам все понятно, мои маленькие еврейские друзья? Держите свои плевки при себе. Мы пришли, мы здесь, и мы никогда не уйдем. *Per omnia saecula saeculorum*. Во веки веков и превыше всего...

А теперь я готов перенестись с вами в Каллирое, город, где царь Ирод Великий выстроил себе бани над целебными горячими источниками.

Глава 2

Ироду в тот момент шел семьдесят третий год. Тучный, с громадным животом, подверженный неистовым приступам бешенства, он стал виновником смерти многих, в том числе людей близких — мы бы сказали, если бы речь шла не о царе, дорогих. Ноги его никак не могли согреться, а боль в икрах едва не заставляла лезть на стенку — так он страдал. В те минуты, что я описываю, у него в гостях был прибывший из Рима Луций Метелл Педикул, и, после того как гость и хозяин насладились горячей баней, их провели в баню потогонную, где служитель мягким скребком принялся сгонять с их тел пот, смешавшийся с целебным маслом. Раб принес вино. Метелл принял кубок и заявил, что должен объявить царю нечто, и что, объявляя это, он желает выказать максимальное почтение к хозяину и его дому.